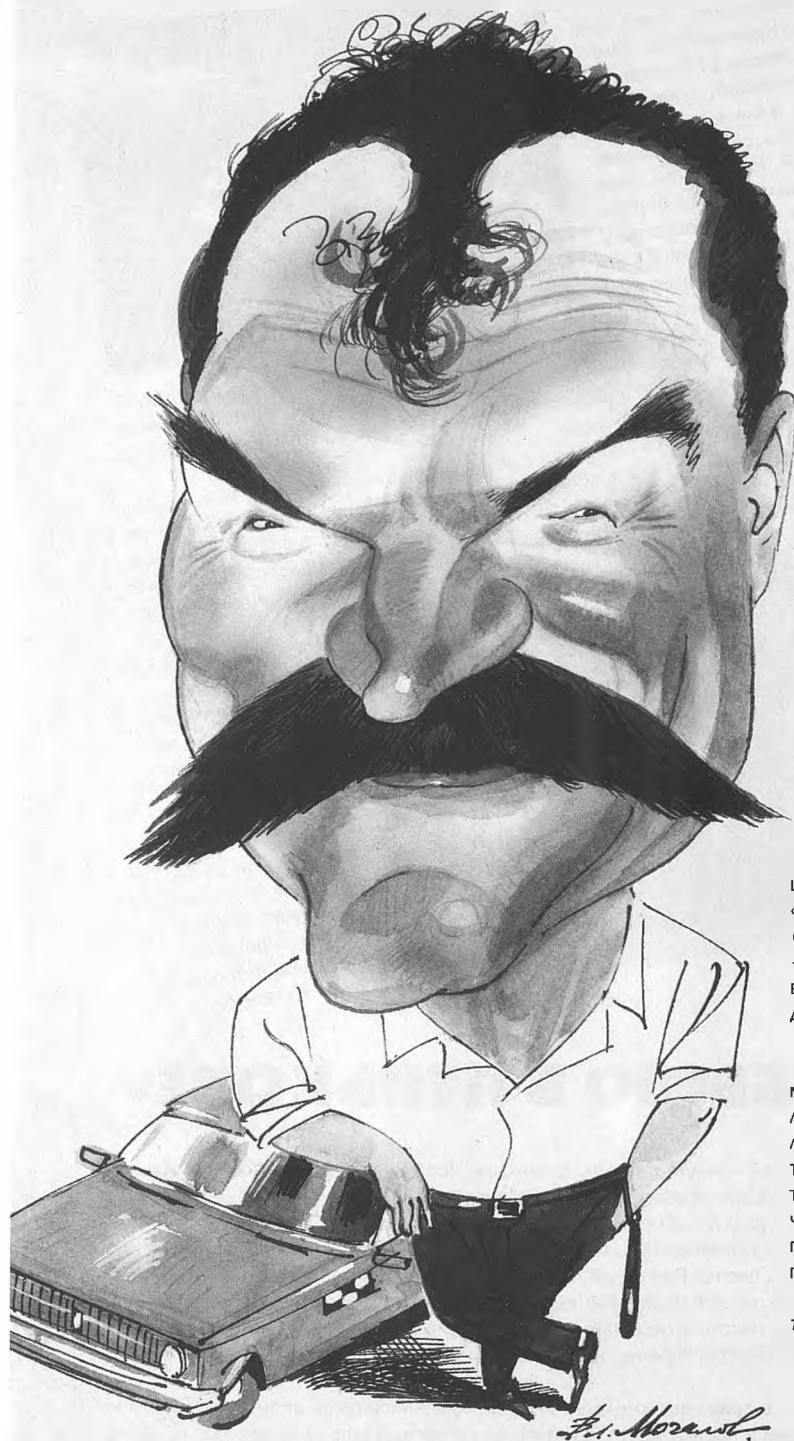

Зайченко Петр

«Говорю мечтательно: «Же вудре фам нуар», а меня режиссер смущенно спрашивает: «Петр, тебе черную женщину?»»

— М

меня никогда не узнают в жизни. На фестивалях почему-то тоже. В Сочи не пускали на звездную дорожку: «Вас нет в списках». Экран очень меняет. Там я помощнее и повыше. Хотя снимаюсь всегда без грима. Правда, для совместного проекта Франции, Бельгии и Испании — фильма «Крапачук» — отпустил усы. С тех пор ни один режиссер не дает их сбрасывать. Единственная работа гримера — придать усам более холерный вид. А в жизни они у меня лихие, казачьи.

— Вы что, казак?

— А как же! Дед мой, Пантелей Иванович, красный кавалерист, всю гражданскую провоевал — то в банде Махно, то против нее. В Отечественную у него погибли оба сына. Один я остался — свет в окошке. Дед, бывало, как выпьет, сразу хватается за саблю: «Рубать!!! С плеча, с подтягом...» — «Дед, кого рубать? Нас ведь ждет счастливое будущее — все идем в коммунизм». — «Не знаю, но, на всякий случай, рубать надо».

— Расстроился Пантелей Иванович, что актером стали, а не военным? Все-таки ближе к сабле...

— Я его обманул. Жутко переживал старик, царство ему небесное. Он хотел, чтобы я стал директором школы, как старший сын. Лично отправил меня с фанерным чемоданчиком на грузовике из нашего Паласовского района в Сталинград учиться на учителя. Но я пошел искать театральное училище...

— А Паласовский район — это где?

— В казахской степи. Во Франции, когда меня спрашивали, откуда я родом, мне приходилось объяснять так: «Понимаете, был у вас такой академик Палас, который исследовал эти степи. Помотался по степям и пришел к выводу, что там могут жить только суслики и сайгаки...».

— А Зайченки не могут?

— Да-да, для нас, Зайченков, места совсем непригодные. А мы там росли и крепи. И все же подался я с родных мест и оказался в Саратовском театральном училище. Французскому нас с Олегом Янковским учил один педагог — Надежда Дмитриевна Шляпникова. Как-то подходит она к педагогу по актерскому мастерству и говорит: «Надя, может из твоего Зайченко и получится толк, но к французскому он относится наплевательски: у девочек списывает, поет не грациозно». — «Оставь парня в покое. Это Янковский пусть учится французскому, ему на роду написано Болконского играть. А Зайченко будет играть мужиков, солдат, в лучшем случае — председателей колхозов, а постареет — генералов. Ему в мате надо совершенствоваться, а не в иностранных языках. Я случайно слышала, как он ругается. Молодец, владеет предметом».

— И все же вам пришлось к французскому вернуться...

— Пришлось, а куда денешься. Когда снимали «Крапачука» в Париже, поселили меня в пятизвездочном отеле. Я не хотел, но у них там с этим строго — «ноблес облич», как говорится, положение обязывает. Мое любимое выражение на съемках было «же вудре травой», то есть «работать хочу» по-нашему. Но во французском часто путался, ведь я не Паша Лунгин, который знает язык в совершенстве. Говорю мечтательно: «Же вудре фам нуар», а меня режиссер смущенно спрашивает: «Петр, тебе черную женщину? Пожалуйста» — и делает жест в сторону ассистента. Я в ужасе поправляюсь: «Хлеба хочу. Черного хлеба». Они долго его искали по Парижу, наконец, принесли запаянный в целлофан. Я долго нюхал эту вату и вздыхал: «О, ма патри!».

— Это же надо, из Саратова — прямо в Париж! И кто же вас первым заметил?

— Да, как попал в кино — это полный «парад планет». Меня нашел Василий Шукшин. Пригласил в свой фильм «Я пришел дать вам волю» и... умер. Правда, он успел поставить меня на учет на «Мосфильме». Через восемь лет моя карточка попала в Абдрашитову, и он позвал меня на пробы в «Параде планет». При первом разговоре деликатный режиссер решил меня подготовить: «Есть од-

ЗАЙЧЕНКО